

- ¹⁰ Волга.– 1915.– 3 марта.
¹¹ Волга.– 1914.– 14 сентября.
¹² Там же, 2 сентября.
¹³ Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 года // Исторические записки. 1947, т.23, с. 3–43.
¹⁴ Волга.–1915.–1 марта.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Указ соч., 2 сентября.
¹⁷ Волга.–1914.–3 ноября.
¹⁸ Иванов Б. Параллели // Наш голос. – 1915.– 29 августа.
¹⁹ Саратовская искра.– 1915.– 26 июля.
²⁰ Реакция, блок и демократия // Наш голос. – 1915.– 13 сентября.
²¹ Казанское утро.– 1915.–21 сентября.
²² Обращение Общества «Экономическое Возрождение России» в Тетюшскую Уездную Земскую Управу. Указ. соч., с.70.
²³ О выражении благодарности лицам, принявшим участие в деле оказания помощи

больным и раненым воинам и семействам призванных/Постановление Уездной Земской Управы №79 от 25-го декабря 1915 года. Указ. соч., с.418.

- ²⁴ Волга. – Саратов.–11 сентября 1914 г.
²⁵ Там же, 15 августа.
²⁶ Там же, 1 ноября.
²⁷ Там же, 3 ноября.
²⁸ Писарев Ю.А. Указ. соч. – С.52.
²⁹ Волга.– Саратов, 1915.–11 января.
³⁰ Земская неделя.–1915.–11 января.
³¹ Голос Самары.– 1915.–1 сентября.
³² Казанское утро.–1915.–21 сентября.
³³ Наша газета.– Саратов, 1915.– 8 августа.

Е.П.Терешина,
*ст. преподаватель филиала
 Казанского государственного
 университета
 в г. Набережные Челны*

СЛУХИ СРЕДИ КРЕСТЬЯНСТВА: 20-е ГОДЫ XX ВЕКА (по материалам ТАССР)

Изучение проблемы слухов как социально-психологического феномена занимает видное место в трудах зарубежных историков¹. В последние годы эта проблема начинает вызывать интерес и у отечественных историков и социологов². Не зная классовых границ и социальных барьеров, слухи, охватывая все общество, представляют собой неотъемлемую часть человеческой культуры. Нередко процесс возникновения и распространения слухов в обществе связан с проявлением социальной активности, которая в условиях кризисов и нестабильности зачастую принимает негативные формы (вспышки насилия, беспорядки и т.п.), а значит, представляет угрозу для общественного порядка. Этим определяется актуальность изучения слухов в современном обществе.

Для всестороннего, комплексного изучения слухов как социально-психологического феномена необходим

исторический подход. Обращаясь к слухам, имевшим хождение в прошлом, исследователи получают возможность проследить отношение наших предков к тем или иным историческим событиям. Зачастую реакция людей на нововведения формировалась под влиянием многочисленных слухов, которые воздействовали на мировоззрение людей и их поведение. Вот почему изучение слухов «в ретроспективе» начинает приобретать все больший интерес.

Этим определяется цель настоящей статьи, в которой предпринята попытка рассмотрения проблемы распространения слухов среди крестьянства, представлявшего собой большинство населения республики в 20-е годы XX века. Одновременно предпринята попытка осветить основную тематику представленных слухов.

К настоящему времени отечественными исследователями уже накоплен определенный опыт в области изуче-

ния проблемы слухов. В совместной работе А.В. Дмитриева, В.В. Латыпова и А.Т. Хлопьева, посвященной изучению проблемы слухов в современном российском обществе, рассмотрены условия возникновения слухов, функции, которые они выполняют, приведена их классификация и многое другое³. В своей работе авторы подчеркнули, что в отечественной литературе сложился взгляд на слухи как на *«сообщения, достоверность которых не установлена»*⁴.

Различные определения этого понятия были даны зарубежными, в основном американскими, исследователями еще в 40-е–50-е годы прошлого века. Одно из классических определений слухов, данное С.Шахтером и Х.Бурдигом, представляло их как *“ненадежную, иногда сильно искаженную форму общения, быстро распространяющуюся среди практически всего населения”*⁵. По определению Г.Олпорта, *«слух – это специфическое утверждение веры, передаваемой от одного к другому, обычно в устной форме, без каких-либо доказательств истинности передаваемой информации»*⁶. В дальнейшем давались и другие определения, в которых подчеркивались иные, ранее не отмеченные черты слухов, как устных каналов информации⁷.

Касаясь проблемы источниковой базы, следует отметить, что большинство материалов, дающих нам сведения о слухах, лишь недавно стали доступными для исследователей. Ценнейшим источником, дающим нам представление о слухах, их тематике, масштабах их распространения по республике являются сводки местных органов ГПУ.

Согласно установленным правилам, подобные сводки направлялись из Казани в Москву дважды в месяц, в особых случаях еженедельно. В этих сводках местные работники ГПУ предоставляли секретную информацию о внутреннем экономическом и политическом положении районов, а именно – о забастовках на

предприятиях, о стихийных бедствиях и их последствиях, о реакции населения на те или иные действия властей, о проявлениях недовольства этими действиями и т.д.

Стремление властей во что бы то ни стало знать настроение населения подчеркивалось особо. Так, например, в телеграмме, полученной Всетатарской Чрезвычайной комиссией (Всетатчека) 19 апреля 1921 года за подписью председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, подчеркивалась необходимость *«указывать настроения рабочих, крестьян, красноармейцев»*⁸.

Несмотря на такое указание, систематическая работа по сбору слухов на территории Татарской АССР, судя по представленным сводкам, стала проводиться лишь со второй половины 1920-х годов. С 1925 года такая информация стала выделяться в сводках отдельным абзацем, объем которого ежегодно увеличивался.

Другой источник информации о слухах – это донесения, шедшие по партийной линии, от местного руководства в областной комитет ВКП (б). Сбором сведений на местах занимались рядовые партработники, а также привлеченные к этому делу активисты из числа сельских жителей. Они заполняли специальные анкеты, отвечая на следующие вопросы: отношение крестьян и рабочих к Советской власти вообще и местным органам власти и коммунистам; какие лица пользуются влиянием на массу; имеются ли подпольные организации и какие именно; имеются ли на местах культурно-просветительные учреждения и т.д.⁹ Собранный и обработанный материал описывал положение на местах, особое внимание при этом уделялось сбору и анализу слухов.

Советское правительство признавало доминирующий характер слухов в качестве источника информации для большинства населения, считая это важной проблемой, но скрывало это от общественного мнения. Лишь с открытием архивов мы можем про-

следить реакцию властей на эту проблему. Обратимся к некоторым сводкам. В одной из них, направленной в Москву, в Центральное управление ГПУ в мае 1923 года, подчеркивалось, что «ввиду безденежья крестьянство не в силах индивидуально выписать газету или вообще литературу, а коллективная подписка не производится», отсюда и «распускаются различные небылицы и слухи»¹⁰. По материалам доклада делался вывод, что «культурная работа в деревнях, особенно удаленных от центра, почти не ведется, газеты туда проникают редко, и крестьянство живет в полном неведении о том, что творится вокруг»¹¹.

Довольно низкий уровень грамотности, удаленность многих населенных мест от городов как центров образования и культуры, традиционная приверженность крестьян к устным информационным каналам делали слухи самой распространенной формой передачи новостей на всем протяжении 1920-х годов¹².

Господство слухов среди прочих источников информации, особенно в сельской местности, было отмечено и в дальнейшие годы¹³.

Безусловно, в условиях информационного вакуума главной причиной процесса рождения и распространения слухов являлось то, что население пыталось найти рациональное объяснение событиям, творившимся вокруг. Это было отмечено еще С.Шахтером и Х.Бурдигом, которые считали, что важной составляющей указанного процесса является «*неизвестность* (курсив мой. – Д. Д.) о важном событии, которое касается всех членов группы или их большинства»¹⁴. Кроме того, важной составляющей процесса возникновения слуха была определена *недоступность* для большинства населения *контроля за важными для себя событиями* (курсив мой. – Д. Д.). К этому же выводу пришли группа американских исследователей под руководством Л.Фестингера¹⁵ и другие исследователи

(В.Петерсон, Т.Бакнер, Т.Шибутани, Р.Росноу и др.)¹⁶.

Таким образом, слух выполняет важную функцию – оправдание эмоционального состояния человека, его потребности «найти правдоподобное объяснение запутанной ситуации»¹⁷. Эмоциональная его окраска была отмечена также В.Петерсоном и Н.Гистом в работе «Слух и общественное мнение», где авторы рассматривали слух как «продукт усилий общества осознать проблемную ситуацию, когда общественные взгляды на проблему основаны на эмоциях и когда достоверная информация отсутствует»¹⁸.

Т.Шибутани подчеркивал, что в процессе познания человеком окружающего мира «было бы наивно утверждать, что каждое новое событие будет осознаваться правильно и полно, в этих условиях слухи всегда будут играть определенную роль в попытках человека осознать изменения современного мира»¹⁹.

Тем не менее распространение слухов рассматривалось советскими властями как уголовно наказуемое действие. В принятом в 1922 году Уголовном Кодексе РСФСР была предусмотрена соответствующая 68-я статья, которая звучала так: «*Измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее, карается лишением свободы на срок не ниже шести месяцев*»²⁰. Здесь стоит отметить два момента: во-первых, к слухам приравнивались все *непроверенные сведения*, то есть сведения, не подтвержденные самой властью, но могущие оказаться правдивыми; во-вторых, устанавливалась лишь *нижняя граница наказания*, которая могла быть увеличена. Таким образом, государство утверждало свою монополию на процесс распространения информации.

Однако никакие наказания и репрессии не могли остановить широкий

поток слухов, ходивших по республике. Их тематика была самая разнообразная: продразверстка, засуха, связанный с ней неурожай и голод, грядущая война, перемена власти и многое другое.

Нередко слухи рождались из жалоб и, наоборот, жалобы порождали слухи и кривотолки. В начале 1920-х годов крестьяне часто сетовали на то, что «власть отбирает у нас последнее», что, в свою очередь, приводило к разговорам о том, что комиссары «хотят нас голодом поморить, все пункты полны хлебом, а мы голодаем»²¹. Нередко в сводках отмечалось неверие крестьян в продналог и связанный с ним переход к новой экономической политике: «Советская власть обманывает, опять будут брать разверстку как в 1920-м году» (Спасский кантон)²².

Часто слухи были связаны с тем, как будут выдавать семенную ссуду, как будет взиматься продналог. В некоторых селениях Елабужского кантона при распределении семян для посева из государственного фонда в мае 1923 года ходил упорный слух, что за полученное зерно придется расплачиваться золотом. В результате крестьяне отказывались получать семена²³. Аналогичная ситуация складывалась, когда население упорно отказывалось получать химикаты против саранчи, пожирившей посевы²⁴ (Буинский кантон). Шли упорные разговоры о том, что продналог будет взиматься как раньше, при продразверстке, со всего пахотного участка земли²⁵. Находились и оптимисты, считавшие, что в связи с голодом продналог будет отменен на несколько лет. Слышались разговоры: «Какой вам продналог, когда зимой есть будет нечего»²⁶ (Буинский, Тетюшский кантоны). Ходили и совсем мрачные слухи о кончине мира, будто бы за все, что произошло в последние годы, на Землю посылается планета Марс и будет наводнение²⁷ (Елабужский кантон, 1922 год).

В периоды голода, засухи, стихийных бедствий слухи зачастую побуждали людей к неординарным, а порой и довольно жестоким действиям. Крестные ходы, устраивавшиеся с целью вызова дождя в 1921 году, нередко проходили под действием определенных слухов. По сообщениям работников Тетюшского политотдела ГПУ, были зафиксированы случаи вандализма, когда дошедшее до крайности население ряда населенных пунктов вырывало из могил трупы захороненных коммунистов и глумилось над ними. Аналогичные действия были отмечены и в некоторых селах Арского кантона, где ходили упорные слухи о том, что именно коммунисты являются главными виновниками засухи и что нужно вырывать из могил тела погибших активистов, прося при этом дождя²⁸. Пожалуй, подобные случаи можно назвать исключительными, тем не менее сам факт их наличия, а главное, описания в сводках, свидетельствовал о крайней степени отчаяния, царившего среди голодных людей.

По мере восстановления экономической жизни большую популярность стали приобретать разговоры о политических лидерах, о состоянии их здоровья. Зачастую, по причине отсутствия хоть какой-либо информации, они носили фантастический характер. В октябре 1922 года в ряде населенных мест республики шли разговоры о болезни Ленина, которую связывали с его работой на посту председателя Совнаркома. Говорили, что он «сошел с ума при подписании Декрета об изъятии церковных ценностей, получив весть о смерти сына от электричества»²⁹. Подобные слухи по возможности пресекались, а само их наличие замалчивалось в информационных сводках. Причиной, по всей вероятности, было стремление центрального руководства в Москве держать в тайне всю информацию, касающуюся состояния здоровья Ленина, а также намечающегося раскола

в партии. Это было отмечено в циркулярном письме, направленном из Москвы всем губернским и областным комитетам ВКП (б) от 27 января 1923 года, где была отмечена недопустимость публикации в печати информации о расколе в ЦК, «чтобы не давать врагам возможности путем ложных сообщений о состоянии здоровья тов. Ленина вносить смуту и замешательство»³⁰.

Но такие меры лишь усиливали потоки слухов, объектами которых становился и другой вождь революции – Л.Д.Троцкий. С усилением раскола в партии, с появлением «левой оппозиции» личность Троцкого рассматривалась в качестве одного из главных противников существующего режима: «Троцкий идет против коммунистов»³¹ (Тетюшский кантон, 1925 год), «Троцкий собирает другую партию»³² (Арский кантон, май 1926 года). Иногда Троцкий олицетворялся как спаситель от коммунистов, готовый к вооруженной борьбе против своих врагов. В селе Николаевка Мензелинского кантона ходили слухи о том, что он уже организовал вооруженный отряд из 13 тысяч человек, объединился с Керенским и идет воевать против большевиков³³. Но подобные слухи не вызывали массового интереса, потому носили единичный характер.

Куда больший масштаб находила в слухах внутрипартийная борьба в ВКП (б): «Партия раскололась на три части, и поэтому должна произойти война», «в партии раскол, ряд ответственных работников сняты, из-за этого будет война СССР с Англией, Польшей и другими странами»³⁴ (Мензелинский, Тетюшский, Лаишевский кантоны, весна-осень 1926 года).

Несмотря на стремление руководства политизировать жизнь в деревне, привнести в нее «романтику» классовой борьбы за «светлое будущее человечества», немалую часть населения беспокоили иные, гораздо более приземленные проблемы. Интересно отметить появление слухов о прода-

же водки. Практически на всем протяжении 1920-х годов в стране действовал введенный еще в 1914 году «сухой закон», который был отменен с возвращением в продажу 40-градусной водки в 1928 году. Задолго до этого события уже шли слухи о том, что водку в продажу вернут уже к осени 1924 года³⁵ (Буинский кантон). При этом утверждалось, что с выпуском водки будет переворот, «так как русский человек под влиянием водки решителен и идет на все, а в России большая часть населения властью недовольна»³⁶.

Война и связанные с нею бедствия стали, пожалуй, популярнейшей темой слухов. Разговоры о войне не прекращались в деревнях и селах республики на всем протяжении 20-х годов XX века, то утихая, то вспыхивая вновь. Уставшее от постоянных войн и лишений население, пожалуй, не верило в окончание гражданской войны и всякие тревожные вести, доходившие с границ, трактовало как начало новых военных действий. В мае 1923 года республику охватили слухи о тревожном положении на Дальнем Востоке, а также о предстоящей войне с Польшей³⁷.

Интересно отметить, что со второй половины 1920-х годов, когда мирная жизнь, казалось бы, уже установилась окончательно, слухи о войне лишь усилились. Поводом к ним становились тревожные сообщения о пограничных конфликтах, об ухудшении международных отношений СССР с европейскими странами, особенно разрыв дипломатических отношений с Англией.

Известия о конфликтах и столкновениях на границах воспринимались крестьянами довольно часто с опозданием и определенными искажениями, что неизбежно порождало стремление к собственной трактовке событий. Например, популярной стала тема разговоров о предстоящем сражении со странами Европы, которые якобы уже объявили войну СССР³⁸. Шли разговоры о том, что западные

страны, уверенные в своей победе, уже поделили территорию СССР между собой. По некоторым слухам выходило, что СССР уже разделен западными государствами на 8 частей, из которых Татарская республика перепадает Англии, которая заставит советских граждан выплачивать огромный налог за то, что они поддерживали коммунистов³⁹. Среди населения Казани летом 1926 года шли и такие разговоры, что Англия намеревается взять всю западную часть страны вплоть до реки Волги⁴⁰. Ходили слухи даже о том, что Советское правительство само отдало часть территорий в районе Донбасса Англии и часть железных дорог на 13 лет, лишь бы избежать войны⁴¹ (Лаишевский кантон).

По некоторым слухам, война уже началась, идет мобилизация призывников 14-ти годов рождения сразу⁴² (Елабужский кантон), в Казань поступают раненные⁴³ (Чистопольский кантон). Некоторые были убеждены, что война началась в Сибири, по Бугульминской железной дороге будут доставлять призывников до 40-летнего возраста⁴⁴ (Челнинский кантон). Другие считали, что война идет на юге, Баку отдали за царские долги⁴⁵ (Тетюшский кантон).

Усиление репрессий против крестьянства в ходе хлебозаготовительной кампании 1928 года, увеличение объемов сбора зерна объяснялось, судя по некоторым слухам, как доказательство поражения коммунистов в войне. Судя по сводке, шли разговоры о том, что «у большевиков... было на днях сражение, которое длилось три дня и которое большевики проиграли, заключили мир и дали подписку уплатить контрибуцию хлебом, поэтому усиленно хлеб и собирается»⁴⁶.

Условия неясности грядущих событий, обеспокоенность по этому поводу делали людей более восприимчивыми к различным рассказам и домыслам, а значит, более внушаемыми, особенно когда слухи содержали в себе элементы правдоподобия. Как

было замечено Л.Фестингером, «если принимается на веру основная тема слуха, будет проявляться тенденция к изменению и искажению деталей, связанных с основной темой»⁴⁷. В этом отношении население республики не являлось исключением – слухи о войне часто обрастали все новыми подробностями, а иногда превращались в целые сказания и легенды.

Весной-летом 1926 года в ряде населенных мест стали распространяться легенды следующего содержания, что какие-то крестьяне ехали из Казани (назывались и другие населенные пункты) и «видели по дороге куль с хлебом, сколько ни старались сдвинуть с места, но не могли, дальше от этого заметили бочку с кровью, немного дальше от бочки встретили окровавленную женщину с ребенком на руках. В нескольких верстах встретили старика, который объяснил значение виденного на дороге: хлеб – урожай, который благодаря войне некому будет убирать, кровь – ужасная война, женщина – заплеванная Божья Матерь»⁴⁸ (Арский, Спасский кантоны). Легенда была характерна не только для Татарской республики, но и для других регионов страны, имела хождение и в 30-е годы⁴⁹.

Все это сеяло беспокойство, а иногда и панику среди населения. «Скоро опять будет война, заберут у меня хорошую лошадь, так уж лучше сейчас обменять ее на клячу», – говорил один крестьянин своим односельчанам, продавая лошадь на базаре (Арский кантон)⁵⁰. В сводках ГПУ о политическом состоянии деревни Татарской республики было отмечено немало случаев продажи скота «из-за боязни отбора в случае объявления войны и опасаясь повышения налога 1927/28 года»⁵¹.

Отсутствие товаров в магазинах и лавках также объяснялось приготовлениями к войне. Например, население Спасского кантона этим и объясняло отсутствие в продаже сахара⁵². В Арском кантоне шли разговоры, что заготовленный хлеб идет на фронт⁵³.

«Все мануфактурные фабрики переоборудованы на изготовление военного снаряжения» – эти слухи были популярны в Арском кантоне (май 1926 года)⁵⁴.

Нагнетание тревожных слухов приводило крестьян к массовой закупке товаров первой необходимости, к ускоренной продаже на рынке зерна и скота⁵⁵. Все это серьезно озадачивало руководство. Судя по общей сводке обкома ВКП (б) за 1928 год, ожидание войны серьезно дезорганизовывало рынок: «Паническое настроение вылилось в форму закупки промтоваров и предметов широкого потребления»⁵⁶. Отмечались слухи о том, что «в скором времени будет война, деньги обесценятся ... благодаря чему у населения стремление ... сбывать деньги на товары» (январь 1928 года)⁵⁷. «Крестьянство Набережно-Челнинского кантона стремится во что бы то ни стало каждую имеющуюся копейку использовать на покупку того или другого продукта... Прибывающий товар в кооперативные учреждения расхватывается в тот же день, в который он и прибывает. Если раньше крестьянин соль покупал фунтами, то в данный момент он ее покупает десятками пудов. На рынке начинает появляться больше скота на продажу» (июнь 1927 года)⁵⁸. Усилился отток денежных средств из сберегательных касс⁵⁹. Скупка соли, керосина и сахара была отмечена и в Лаишевском кантоне. «В прошлую войну голодали и сейчас нужно запастись», говорили местные крестьяне⁶⁰. В деревне Б.Куяк Арского кантона жена муллы в беседе с женщинами говорила, что «соли и керосина скоро не будет, запасайте». В результате на следующий день было раскуплено около 30 пудов керосина и соли⁶¹. Таким образом, тревога населения, вызванная слухами, усиливала ажиотаж на рынке потребительских товаров.

Неменьшую тревогу вызывало у правительства и отношение населения к возможной войне. Еще весной

1921 года по Спасскому кантону были отмечены разговоры о том, что Англия и Америка идут на помощь восставшим против Советской власти кронштадтским матросам. В самой же России в городе Симбирске появился вооруженный отряд для сражения на стороне кронштадцев⁶². На базарах, в очередях, в местах скопления народа нередко слышались предсказания о грядущем восстании против коммунистов⁶³. Распространяя эти слухи, население надеялось на скорейшее прекращение всех бедствий и невзгод, вызванных установлением власти коммунистов. Поэтому столь живучими и распространенными оказывались разговоры о скорейшей смене власти. Иногда это сопровождалось слухами о приходе Учредительного собрания (Арский кантон)⁶⁴.

Подобные слухи серьезно воздействовали на общественное мнение, иногда даже формировали его. Некоторые крестьяне высказывались против войны: «Все равно воевать не пойдем... Воюй, не воюй, они (коммунисты. – Д.Д.) провалятся»⁶⁵ (Челнинский кантон, август 1924 года). Более популярными стали разговоры о грядущем свержении Советской власти. В Арском кантоне находились агитаторы, которые на базарах убеждали людей, что власть скоро поменяется, «в армию идти не нужно, пусть воюют одни коммунисты»⁶⁶, в Лаишевском кантоне также шли разговоры, что «в случае войны не нужно идти в армию и воевать и если все откажутся, то Советская власть всех не перестреляет»⁶⁷ (март 1927 года). Говоря о предстоящей войне, крестьянин деревни Бурнашево Чистопольского кантона так предсказывал развитие событий: «На войну сначала пойдут коммунисты, потом комсомольцы, которых там ухлопают... Рабочих не возьмут – они останутся на местах на заводах. Крестьяне еще подумают – идти им или нет»⁶⁸. Были отмечены и более радикальные высказывания: «Когда Англия и Франция прижмут, то и воевать будет некому,

все коммунисты разбегутся, вот тогда-то нам будет лучше»⁶⁹ (Елабужский кантон). Кое-где доходило и до призывов к свержению власти. Так, например, в селе Сибирчах Тетюшского кантона дочь муллы говорила односельчанам, что «Англия и Америка выступают против Соввласти, которую необходимо свергнуть и тем самым дать крестьянам возможность видеть хорошую жизнь»⁷⁰. В Свяжске были отмечены разговоры такого рода, что «скорей бы разбили Советскую власть, потому что толку от нее все равно никакого нет»⁷¹. В Мензелинском кантоне один крестьянин из деревни Нижние Юшады говорил, что в ходе войны «ни одного коммуниста в живых не оставят, я лично сам готов взять винтовку в руки и пойти на войну за интересы богатых, а не нищих, как это Советская власть диктует»⁷² (июнь 1927 года). Крестьяне деревни Емели-Буртасы Кушманской волости Свяжского кантона распространяли слухи о том, что Советская власть окажется не способной противостоять Англии и Франции, «так как нет оружия, и народ на войну не пойдет. Если в связи с войной будет переворот власти, то всех работников и тех, кто сочувствовал Соввласти, будут расстреливать совместно с их семьями, как это было во время французской революции»⁷³ (март 1927 года).

Дальнейшее развитие событий после войны также выражалось в многочисленных разговорах и пересудах. В Лаишевском кантоне шли слухи, что власть в России после войны установится «по указанию буржуазных стран, что Англия и Франция назначат в Россию брата Николая Второго – Николая Николаевича»⁷⁴. В Казани в феврале 1926 года шли разговоры о возвращении на престол Николая Второго, потому что он не расстрелян, а якобы находится в Англии⁷⁵. Аналогичные слухи о возвращении Романовых в ходе предстоящей войны с западными странами в это же время прослеживались и в

других частях СССР (Вятская, Тамбовская губернии)⁷⁶. Таким образом, судя по представленным сводкам, можно сделать вывод, что на всем протяжении второй половины 1920-х годов крестьянство республики (как, вероятно, и крестьянство других регионов страны) жило ожиданиями скорейшего падения большевистского режима.

Распространение слухов о предстоящей войне и о ее исходе не в пользу большевиков серьезно беспокоило правительство. В то же время местное партийное руководство всячески старалось приуменьшить масштабы распространяемых слухов, опасаясь взысканий. Поэтому в Казань шли в целом удовлетворительные по своему характеру сводки. Так, к примеру, на всем протяжении 1928 года из районов республики поступала следующая информация:

«В Кайбицком районе выявлено бодрое и вполне лояльное настроение крестьянства... В Нурлатском районе выявилась готовность населения к защите Соввласти»⁷⁷. На основе подобных сводок в Казани делалось довольно оптимистичный вывод, что «деревня настроена удовлетворительно»⁷⁸ (подчеркнуто в тексте. – Д.Д.).

Что же касалось появления различных слухов, то руководство объясняло это исключительно деятельностью антисоветски настроенного кулачества, которое «всеми мерами старалось спровоцировать военную опасность, внести панику и дезорганизацию в деревне» (подчеркнуто в тексте. – Д.Д.)⁷⁹. В информационной сводке Татарского обкома ВКП (б) от 3 ноября 1929 года под грифом «Совершенно секретно. Оглашению не подлежит» приводился целый ряд примеров антисоветских, с точки зрения руководства, слухов и разговоров населения, инициаторами которых назывались кулаки. «Наиболее распространенным методом борьбы кулака против партии и соввласти является искажение действительного положения вещей и муссирование ложных и

провокационных слухов (подчеркнуто в документе. – Д.Д.)⁸⁰. Кулак – «распространитель слухов», становился главным отрицательным персонажем разнообразных брошюр и журналов, носивших агитационный характер⁸¹.

Однако в большей мере слухи порождала государственная практика введения новых постановлений и декретов, не соотносящихся с реальными нуждами населения. Типичный тому пример – антирелигиозная политика государства, широкое наступление на церкви и мечети. Крестьян волновали такие вопросы, как сохранение церквей и мечетей, проведение религиозных служб и обрядов и т.д. Поэтому каждое нововведение правительства вызывало целую волну домыслов. Весной 1923 года по республике прокатился слух о налогах на иконы, что будут брать налог «на каждую персону святого», а также якобы о запрете крестить детей до 18-летнего возраста⁸².

Раскол в православной церкви, борьба патриарха Тихона против нововведений также не оставляли людей равнодушными. Например, некоторые верили слухам, что Тихон является американским гражданином, а потому не подлежащим суду в России⁸³ (июль 1923 года).

Самыми распространенными, пожалуй, были слухи о том, что правительство разрешает религиозное образование, несмотря на принятый в 1918 году Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Летом 1924 года подобные слухи захлестнули республику. Одним из поводов послужило распространение письма видного татарского религиозного деятеля Кашафа Тарджиманова, в котором он сообщал, что ему удалось «склонить советское правительство в сторону разрешения обучения детей (религии. – Д.Д.) с 13-летнего возраста»⁸⁴. Слух сразу же нашел множество сторонников, судя по информации из сводок ГПУ, «муллы и верующие очень довольны таким разрешением и намерены выразить

ВЦИК СССР благодарность за такое разрешение»⁸⁵. Говорили даже о том, что «Советская власть признала правильной веру ислам, потому и разрешила преподавание вероучения детям»⁸⁶ (Бугульминский кантон, март 1926 года). Но не всегда слухи были столь оптимистичными, так, например, ходило множество слухов об уничтожении культовых сооружений, о репрессиях против духовенства. В Спасском кантоне осенью 1927 года шли разговоры о будущих арестах и высылках за пределы республики мулл и служителей мечетей, слух распространял мулла одной из мечетей⁸⁷.

Зачастую слухи рождали сами служители культа и их сподвижники. Сообщая о репрессиях, о закрытии церквей и мечетей, священники и муллы зачастую стимулировали этим активность населения по защите их собственных прав, увеличивали посещаемость религиозных служб. Например, в деревне Усабаш Арского кантона в апреле 1929 года жена муллы говорила о предстоящем крещении всех взрослых и детей, не посещающих мечеть⁸⁸. Мулла Мавдюков из деревни Бурметьево Чистопольского кантона примерно в это же время говорил крестьянам: «В этом году возникнет крупная война, большевики долго не проживут и эта власть пропадет. Поэтому нам нужно укреплять религию»⁸⁹. Аналогичная ситуация прослеживалась и в русских деревнях. В селе Верхнее Кочурино Спасского кантона кулак Федор Чернов записывал тех, кто в это время снимал крест с местной церкви, после чего «распустил по селу слух, что придет время, и с тех, кто снимал крест, мы снимем головы»⁹⁰. В селе Ляхов Челнинского кантона «священник, получив извещение о налоге, распространил слух о предстоящем закрытии церкви, заявив о последнем богослужении. В течение трех последующих недель в церковь был наплыв крестьянства из шести деревень, что дало священнику до 200 рублей дохода»⁹¹. Таким образом, распрост-

ранение слухов иногда оправдывалось корыстными целями их распространителей, что подчеркивалось как западными, так и отечественными исследователями⁹².

Господство слухов, охвативших самые широкие слои населения, как в городах, так и особенно в селах на всем протяжении 1920-х годов и в последующее время было вполне типичным явлением. Стремление внести ясность в происходящее, найти логическое объяснение противоречивым, подчас запутанным нововведениям правительства заставляло людей обращаться к «неформальным» информационным каналам. Зачастую слухи распространялись потому, что население хотело в них верить. Таким образом, крестьянство создавало собственное информационное пространство, которое оказывало более значительное влияние на жизнь людей, чем официальная информационная сеть, слабо развитая и работающая на власть. В итоге немалая часть населения выстраивала свое мировоззрение на основе непроверенной, зачастую искаженной информации. Это необходимо учитывать при современном, многостороннем и комплексном изучении общества в XX веке. В рамках такого подхода проблема появления и распространения слухов продолжает оставаться актуальной и требует всестороннего анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sheila Fitzpatrick. *Stalin's Peasant. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization.* – New York, Oxford: Oxford University Press, 1996; Lynne Viola. *The Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside* // *Journal of Modern History.* – 1990. – vol. 62. – N4. – PP. 747–770 etc.

² Андриянов В.И., Леваилов В.К., Хлопьев А.Т. «Слухи» как социальный феномен. – Социологические исследования. – 1993. – №1. – С. 82–88; Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // *Отечественная история.* – 1999. – № 3. – С. 91; Дмитриев А.В., Латыпов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация.

– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996; Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948 годы. По материалам ЦК ВКП (б). – *Отечественная история.* – 1998. – №3. – С. 25–39; Осокина Е. Легенда о мешке с хлебом. Кризис снабжения в конце 30-х годов // *Родина.* – 1999. – № 5. – С. 87–91 и др.

³ Дмитриев А.В., Латыпов В.В., Хлопьев А.Т. Указ соч.

⁴ Дмитриев А.В., Латыпов В.В., Хлопьев А.Т. Указ соч. – С. 5.

⁵ Schachter S., Burdick H. Ibid. – P. 363.

⁶ Allport G.W. and Postman L. *The Psychology of Rumor.* – New York. – 1947. – P. ix.

⁷ По мнению В. Петерсона и Н. Гиста, слух – это «результат искажения восприятия и *односторонняя* (курсив авт.) вербальная коммуникация» (Peterson W.A., Gist N.P. Ibid. – P. 161); Т. Шибутани считал слух «составной частью попыток людей идти в ногу со временем». По его словам, «когда активность прерывается стремлением выяснить ситуацию, люди собираются вместе и слух выступает результатом коллективных усилий, через который заполняется информационный вакуум». (Shibutani T. *Improvised news. A sociological study of rumor.* – Indianapolis – New York, 1968. – P. 62); Довольно обширное определение слухам было дано Р. Росноу и Г. Файном, которые определили несколько параметров слухов: «Во-первых, это процесс информационной дисперсии, так же как и продукт этого процесса. Во-вторых, это процесс, который легче начинается...чем заканчивается. В-третьих, это общение с использованием непроверенной информации». (Rosnow R.L. Fine G.A. *Rumor and Gossip.* – Elsevier: New York. – London. – Amsterdam, 1976. – P. ii).

⁸ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 197, л. 5.

⁹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 198, л. 21.

¹⁰ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 919, л. 28 об.

¹¹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 919, л. 39.

¹² Кризис, затронувший информационную сеть России, отразившийся в появлении многочисленных слухов в период 1920-х годов, рассмотрен в работах: Jeffrey Brooks. *The Breakdown in Production and Distribution of Printed Material. 1917–1927.* // *Bolshevik Culture.* Edited by Abbott Gleason, Peter Kenez and Richard Stites. – Bloomington: Indiana University Press, 1985. – PP. 151–174; Richard Stites. *Soviet Popular Culture. Entertainment and Society since 1900.* – Cambridge University Press, 1992 etc.

¹³ С целью изучения процесса распространения слухов в СССР американскими исследователями Р. Байером и Д. Глейчером в 1950 году было проведено социологическое обследование на основе опросов беженцев – бывших советских граждан, оказавшихся после Второй мировой войны в странах Запада. Авторы исследования определили слухи и мол-

ву, ходившие среди советского населения, как “неформальные устные средства массовой информации” (“informal oral media”), которые могут, по мнению ученых, «как замещать официальные СМИ, так дополнять и корректировать их».

Среди факторов, определяющих доверие граждан к слухам, авторы работы подчеркивали географическую изолированность многих городов и сел, недостаточную распространность официальных СМИ в сельской местности, а также исторически сложившиеся традиции устного общения, особенно в деревнях. Серьезным фактором в процессе распространения слухов исследователи признавали низкий образовательный уровень сельского населения СССР: «Сама среда не способствует интеллектуальной активности... У многих пожилых крестьян существует обратная неграмотность. Они просто забыли, как читать. Коммуникативное поведение советского крестьянства характеризует неиндустриальное общество».

Неудивительно, что сельские жители по результатам обследования оказались самой активной к восприятию слухов группой населения. Вот как распределялись источники информации по степени важности для сельского населения СССР в 1950 году: газеты – 10%, радио – 10%, устное неформальное общение, в том числе обмен слухами – 73%, при этом 56% крестьян считали слухи более достоверными источниками информации, чем официальные СМИ. В итоге делался вывод о существовании в СССР «параллельной системы коммуникации», существующей за пределами официального контроля (Bauer R.A., Gleicher D.B. Word-of-mouth Communication in the Soviet Union // Public Opinion Quarterly. – 1953. – vol.17. – P. 297–310); См. также: *Безнин М.А., Димони Т.М.* Указ. соч.

¹⁴ Schachter S., Burdick H. Ibid. – P.371.

¹⁵ Festinger L., Cartwright D., Barber K., Fleischl J., Gottsdanker J. Keyesen A. and Leavitt G. Ibid – P.483.

¹⁶ Peterson W.A., Gist N.P. Ibid; Buckner H.I. Theory of Rumor Transmission // Public Opinion Quarterly. – 1965. – vol. 29. – p. 54–70; Shibutani T. Ibid; Ralph L. Rosnow. Gary A. Fine. Rumor and Gossip. – New York, London, Amsterdam, 1976 и др. В настоящее время этот вывод продолжает оставаться актуальным, так, например, знаменитый исследователь советской истории Ш. Фицпатрик в своей книге «Повседневный сталинизм» подчеркнула, что слухи «распространяли информацию... но они также выражали общественные надежды и опасения и попытки объяснить загадочные события» (Sheila Fitzpatrick. Everyday Stalinism. Ordinary life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. – Oxford, 2000. – P. 183). По мнению В. Бровкина, слухи в крестьянской среде были на-

прямую связаны с фольклором и «отражали традиционную народную религиозность»¹⁷. (Vladimir Brovkin. Russia after Lenin: 1925–1929. – Oxford, 2000. – P. 102).

¹⁷ Allport G.W. and Postman L. Ibid. – P. 36–37.

¹⁸ Peterson W.A., Gist N.P. Ibid. – P. 159.

¹⁹ Shibutani T. Ibid. – P. 183.

²⁰ Уголовный кодекс РСФСР. – Казань, 1922. – С. 12–13.

²¹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 200, л. 2; ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 197, л. 3.

²² ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 200, л. 4.

²³ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 919, л. 24 об.

²⁴ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 918, л. 204.

²⁵ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 591, л. 57.

²⁶ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 591, л. 54.

²⁷ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 919, л. 24 об.

²⁸ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 197, л. 33; Там же. – д. 198, л. 19.

²⁹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 591, л. 65.

³⁰ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 841, л. 18.

³¹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 1378, л. 3.

³² ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 247.

³³ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 355, л. 34.

³⁴ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 200; д. 318, л. 308.

³⁵ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 918, л. 234.

³⁶ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 175.

³⁷ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 919, л. 22.

³⁸ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 59, 140, 163, 175; д. 524, л. 50.

³⁹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 52.

⁴⁰ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 237.

⁴¹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 56.

⁴² ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 50.

⁴³ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 56.

⁴⁴ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 247.

⁴⁵ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 247.

⁴⁶ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 330, л. 25.

⁴⁷ Festinger L., Cartwright D., Barber K., Fleischl J., Gottsdanker J. Keyesen A. and Leavitt G. Ibid. – P. 485.

⁴⁸ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 237.

⁴⁹ См.: *Осокина Е.* Легенда о мешке с хлебом. Кризис снабжения в конце 30-х годов // Родина. – 1999. – № 5. – С. 87–91.

⁵⁰ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 355, л. 79.

⁵¹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 519, л. 9.

⁵² ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 918, л. 226.

⁵³ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 214.

⁵⁴ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 247.

⁵⁵ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 140.

⁵⁶ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 501, л. 177.

⁵⁷ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 330, л. 25.

⁵⁸ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 318, л. 223.

⁵⁹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 519, л. 9.

⁶⁰ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 318, л. 58.

⁶¹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 99 об.

⁶² ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 200, л. 2.

⁶³ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 200, л. 3.

⁶⁴ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 198, л. 20.

⁶⁵ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 918, л. 175.

- ⁶⁶ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 355, л. 35.
⁶⁷ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 318, л. 88.
⁶⁸ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 56.
⁶⁹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 53.
⁷⁰ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 355, л. 12.
⁷¹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 54.
⁷² ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 318, л. 57.
⁷³ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 355, л. 34.
⁷⁴ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 355, л. 58;
д. 92, л. 237.
⁷⁵ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 19.
⁷⁶ См. Vladimir Brovkin. Ibid. – Р.
⁷⁷ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 501, л. 78.
⁷⁸ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 501, л. 78.
⁷⁹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 501, л. 79.
⁸⁰ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 654, л. 60.
⁸¹ См., например: Сиротинин П. Кулак от-
ступает с боем. Факты и обобщения из лич-
ных наблюдений. – М. – Л.: Госиздат, 1931.
⁸² ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 919, л. 24 об.
⁸³ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 919, л. 38.
⁸⁴ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 918, л. 154.
⁸⁵ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 1, д. 918, л. 154.
⁸⁶ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 92, л. 214.
⁸⁷ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 318, л. 397.
⁸⁸ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 99
об.
⁸⁹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 100
об.
⁹⁰ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 524, л. 34.
⁹¹ ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 501, л. 115.
⁹² Г. Олпорт подчеркивал, что «человек
будет распространять ложные слухи под дей-
ствием своих личных интересов». (Allport G.
W. and Postman L. Ibid. – Р. 45); Авторы про-
веденного в СССР в ноябре 1991 года социо-
логического обследования проблемы цирку-
ляции слухов отметили, что определенная их
часть создается людьми с целью «разнообра-
зить жизнь» (Андрянов В. И., Левашов В.
К., Хлопьев А. Т. «Слухи» как социальный
феномен... – С. 84).

Д.В.Давыдов,
кандидат исторических наук